

«ГРЕЧЕСКИЙ МИФ» У ГРЕКОВ ПРИАЗОВЬЯ*

Культура Нового времени создает свои мифы. Эти мифы всегда тесно связаны современностью и под властью ее динамично меняются. Широкое распространение и многообразные интерпретации получает в культуре Нового времени «греческий миф». В данной статье рассматривается один из вариантов общего «греческого мифа», выступающий как средство самоинтерпретации и интерпретации культурной и национальной идентичности греков Приазовья. Анализируются различные версии этого мифа в разных культурных парадигмах – литературной и народно-фольклорной. Демонстрируется путь формирования национальной греческой идентичности, которая постепенно движется от условно воображаемого эллинизма к фиксации этнической самобытности, все более фокусируясь на языковой идентичности. Материалом для нашего анализа послужили произведения Н. Ф. Щербины, а также фольклорные и авторские поэтические тексты из Приазовья, написанные или записанные в XIX–XX вв.

Ключевые слова: национальная идентичность, греки Приазовья, мариупольские греки, фольклор греков Приазовья, греческая диалектная литература, литература греков Приазовья, Николай Федорович Щербина, Феоктист Авраамович Хартахай, Демьян Бгадица, Леонтий Хонагбей, Георгий Костоправ, Советская литература греков Приазовья.

Культура живет мифами. Производство мифов, их культивирование, трансформации, разоблачения составляют существенную часть культурно-исторического процесса – как национального, так и общемирового. Эта приверженность к мифотворчеству – как бы не менялась сама сущность того, что обозначается словом ‘миф’, – является, по-видимому, одной из существеннейших черт человеческого сознания (Голосовкер 1987). Безусловно, мифы Нового и Новейшего времени представляют собой качественно иное явление, чем мифология архаической эпохи или мироотношение и мировосприятие Античности и Средних веков (Лосев 2001). Миф древности универсален, и это его главное качество: это и повествование о мире, и способ познания мира, и способ существования в нем (Хьюбнер 1996). К нему не применим вопрос о достоверности,

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 18-012-00570 «Топика постриторической эпохи: теория и практика».

поскольку не предполагается какой-либо внешней позиции по отношению к мифу (Фрейденберг 1998). В постриторическую эпоху статус мифа принципиально меняется. Миф мыслится как картина мира с относительной, а не абсолютной модальностью. Мифологические сюжеты древности приобретают тот же статус литературности, что и сюжеты, рожденные в собственно литературном поле. Сохраняя память о своем древнем происхождении, эти сюжеты вливаются в общее пространство новой культурной реальности и становятся в ней знаками разнообразного моделируемого конкретной авторской интенцией, контекстом и языком смысла. Сюжеты и мотивы древней мифологии выполняют функцию интерпретирующего знака современности. Они становятся слагаемыми нового мифа – мифа вероятностного, то есть возможной / желаемой / идеальной / утопической / наивной и т. д. картины мира. Эта картина не имеет статуса абсолютной реальности. Она образует объект принципиального внешнего видения. Именно поэтому такой новый миф может стать и предметом оценки (в том числе, и с позиции достоверности), и средством конструирования версии события, актуального для личной / национальной / государственной, но непременно современной истории. Подвластность прошлого настоящему в культуре Нового времени станет темой философской, а затем и научной рефлексии сравнительно недавно. Пожалуй, одна из первых резонансных работ, где эта тема доминирует, – знаменитое эссе Ф. Ницше «О пользе и вреде истории для жизни» (1874). Однако в художественной культуре, и прежде всего в литературе, реинтерпретация древних мифов и новое мифотворчество используются как практика концептуализации нового, открываемого новой эпохой мировидения и мироотношения гораздо раньше. Одним из ярких примеров такого нового мифа является миф о Древней Греции как идеальном культурном прошлом. Рожденный в эпоху Ренессанса и с теми или иными модификациями культивируемый до нашего времени, этот миф не порождается древнегреческой мифологией, но использует ее сюжеты для построения собственного содержания. Его влияние на культуру Нового времени огромно и достаточно всесторонне изучено. Нас же будет интересовать, как этот миф о Греции связывался с представлением о национальной идентичности, причем как с внутренней позиции – с позиции представителей греческой диаспоры, так и с внешней позиции – в оценке культуры метрополии.

Новая волна интереса к Греции, интереса уже не только как к символу идеального культурного прошлого, но и к Греции в ее актуальном состоянии связана с влиянием романтической эпохи. Очевидно, что в этом новом варианте греческой темы соединяется и общий характерный для романтизма интерес к народному и национальному, и идея освобождения от османского ига колыбели европейской культуры, и личность лорда Байрона. Можно сказать, что возникает своего рода запрос на аутентичного современного носителя древней традиции. И ответом на такой запрос стал поэт Николай Федорович Щербина, «таганрогский эллин», как назовет его столетие спустя Е. Евтушенко («Жизнь его не слишком ощедрила...»). Конечно, Щербина далеко не первый этнический грек в русской культуре. Однако важно, что он позиционировал себя не просто как поэта, но именно как греческого поэта и так воспринимался культурным сообществом. Е. А. Штакеншнейдер, неоднократно встречавшаяся со Щербиной на литературных салонах, запишет в дневнике: «Щербина полумалоросс и полугрек. Грек-то, он, кажется, не из Греции, но какой-то здешний, но эта причастность к Элладе его несказанно утешает и составляет гордость его; и он в стихах все тоскует по ней, по своей Элладе, которой никогда не видел. <...> Эта греческая часть Щербины вместе с поэтической, – впрочем, они нераздельны, – и есть лучшая» (Штакеншнейдер 1934: 109–110). Примечательна в этой записи не только сама по себе характеристика Щербины, но и использование синонимов – «Греция» и «Эллада». В данном случае они выполняют не просто функцию стилистического варьирования, но и дифференцируют различные понятия. «Греция» является знаком реальной Греции, и – шире, не столько в данной записи Штакеншнейдер, сколько в биографии самого Щербины – знаком греческого мира, к которому он имеет лишь опосредованное отношение, через этническую (и то неполную!) принадлежность. Родился Щербина на юге России (зёмли Войска Донского) в 1821 г., только в 1829 г. переехал с родителями в Таганрог, где, действительно, в те годы была большая греческая диаспора. Однако неизвестно, знал ли он современный ему греческий или местный греческий диалект. Вполне вероятно, что не знал, и не стремился выучить. По крайней мере, в автобиографии, опубликованной Г. П. Данилевским (1891), и в других биографических свидетельствах (Юнге 1914) таких сведений нет. С 1839 г. его жизнь связана с Харьковом, Одессой, Москвой и Петербургом. Вся его поэзия

русскоязычна. В то же время еще в детстве, как принято считать – под влиянием матери¹, он пристрастился к изучению древнегреческого языка (!), чтению древнегреческой литературы и стал сочинять антологические стихотворения. И вот это увлечение греческим – не реальным, окружающим его, а воображаемым, конструируемым на основе древнегреческого языка, литературы, представлений о древней культуре и их рецепции в культуре современной – и образует для Щербины во многом его собственный, индивидуальный «греческий миф», именуемый в его поэзии предпочтительно как «Эллада» (см., например, одноименное стихотворение). Этот «греческий миф» воплотился прежде всего в сборнике «Греческие стихотворения» (Щербина 1850), который и принес Щербине литературную известность.

Примечательно, что то же различие Греции и Эллады прослеживается и в посвященном Щербине очерке Ю. Айхенвальда (1908: 42–43): «Щербина не видел *Греции*, но она так явственно жила у него во внутреннем мире, и он *так отчетливо представлял ее себе*, что едва ли не лучшее свое стихотворение посвятил он вымышленной поездке своей в *Элладу* (курсив наш – *И. В., М. К.*), победоносно возместил недавившуюся действительность яркой фантазией».

Итак, «греческий миф» Щербины, с которым он внутренне идентифицирует и свое поэтическое *я*, и *я* национальное – миф о современном эллине, духовной родиной которого является древняя Эллада. Эллада – это мир красоты и свободы, которыми не устает восхищаться поэт. Красота природы, красота женская, красота телесная, красота рукотворная – вот основные мотивы мифа об Элладе. Эллада выступает как топос идеального мира. И в этом плане мало чем отличается от общей традиции антологической поэзии. Но для Щербины, что отметили уже и первые критики (см., например, Дружинин 1865),

¹ Мать Щербины была этническая гречанка, связанная родством с пелопонесскими греками (Савченко 1990: 427). Но, по-видимому, семья матери довольно давно покинула родину. В автобиографии Щербина пишет, что родился в степном донском поместье матери, недалеко от Таганрога (Данилевский 1891), то есть по материнской линии он принадлежал к приазовским грекам, но насколько тесно эта семья сохраняла связь с национальной культурой, неясно. Нельзя исключить, что возникшая под влиянием матери еще в детские годы страстная привязанность и любовь ко всему «греческому», – еще один миф, созданный самим Щербиной.

характерен выход за границы чисто антологической тематики. Как сам писал он в послесловии к сборнику «Греческих стихотворений», большая половина текстов в сборнике *«не антологические, но собственно греческие стихотворения»* (курсив автора цитаты – *И. В., М. К.*), навеянные автору, некоторым образом, знакомством его с эллинской жизнью, наукой и искусством и внушенные ему симпатией ко всему греческому. То, что не явилось, или, может быть, не дошло до нас в греческой лирике и чуждо антологии, но *«...» мысли и чувства, которые может внушить греческий мир человеку нашего времени,* (курсив наш – *И. В., М. К.*) и впечатления, которые остаются более или менее в душе каждого, занимающегося этим предметом» (Щербина 1850: 97–98). Иными словами, Щербина, оставаясь в рамках вполне традиционной мотивики, стремится расширить границы традиционного топоса, вводя в него современное мироощущение. Более того, напряжение конструкции «общего места» еще более усиливается, поскольку Щербина, хотя и апеллирует к типичным для своего современника мыслям и чувствам (см. выделенный нами текст в приведенной выше цитате), но, как минимум, предлагает для них достаточно индивидуальное выражение. Индивидуальное своеобразие могло бы быть воплощено и вместе с тем и мотивировано использованием национального языка или национальной либо нехарактерной для общей поэтической традиции мотивики. Однако, как уже отмечалось, эти качества поэтическому миру Щербины не свойственны. Принципиальное значение в его индивидуации «греческого мифа» играет не язык (лингвистический или «поэтический»), а национальная природа субъекта поэтического сознания и восторг перед красотой условного эллинистического мира², переживаемый им в высшей степени в силу все той же национальной природы. Если принять эти условия, то достоверность предлагаемого

² См., например, стихотворение «Письмо» (1847):

...
 Будто в море я весь погружен
 В созерцанье безбрежной природы
 И в какой-то магический сон,
 Полный жизни, ума и свободы.
 Здесь от речи отвыкли уста:–
 Только слухом живу я да зреньем...
Красота, красота, красота! –
Я одно лишь твержу с умилением (курсив наш – *И. В., М. К.*).

мифа не вызовет сомнений. Так поступает, например, Ю. Айхенвальд (1908: 43): «Эллада – родина прекрасного, и оттуда разлилось оно по земле. И Щербина жадно ищет его и напояет им свою душу; в этом он находит утоление своей тоски по родине, так как прекрасное, это и есть греческое. Как должен быть счастлив и горд человек, который знает, что вся красота в мире создана его матерью! Это – высший аристократизм, и так как на всем покоится красота, всюду сверкают ее брызги, точно роса на цветах, то поэт, пространственно разлученный с Грецией, психологически живет в ней и только в ней. Он везде дома, ибо где красота, там – Эллада». В той же логике, несмотря на общую иную оценку поэтического творчества Щербины, мыслит и Н. К. Михайловский (1957: 47): «Но как ни хороша сама по себе античная ясность и цельность, в русском юноше сороковых годов она представляет собою аномалию, которая только тем и объясняется, что Щербина с ранних лет жил в греческом обществе, чуждом русским, да и европейским тревогам и болезням». Если же предлагаемая установка не принимается, то данный поэтический мир легко может стать объектом осмеяния. Хорошо известны пародии Козьмы Пруткова на стихотворения Щербины. В этих пародиях именно глубоко эмоционально (а не отрешенно умозрительно!) переживаемый восторг перед красотой условного эллинистического мира, ключевой для данного «греческого мифа», станет центральным предметом насмешки:

Я недавно приехал в Коринф.
Вот ступени, а вот коллонада.
Я люблю здешних мраморных нимф
И истмийского шум водопада.
Целый день я на солнце сижу.
Трусь елеем вокруг поясницы.
Между камней паросских слежу
За извивом слепой медяницы.
Померанцы растут предо мной,
И на них в упоеньи гляжу я.
Дорог мне вожделенный покой.
«Красота! красота!» – все твержу я.
А на землю лишь спуститься ночь,
Мы с рабыней совсем обомлеем...
Всех рабов высылаю я прочь
И опять натираюсь елеем.

(Козьма Прутков, «Письмо из Коринфа»,
Древнее греческое, посв. г. Щербине, 1854)

Характерно, что и для самого Щербины создаваемый и культивируемый им «греческий миф» – своего рода форма инобытия. Другая сторона его литературной деятельности никак не связана ни с утверждением национальной мифологизированной идентичности, ни с интенцией упоительного восторга перед красотой. Наравне с «Греческими стихотворениями» известность среди современников приносят ему эпиграммы и острые сатиры. В уже цитированном дневнике Е. А. Штакеншнейдер не раз звучит тема, что в Щербине живет два совсем разных человека (напр., Штакеншнейдер 1934: 109–110, 198–199). Таким образом, внутренняя и внешняя идентификация не вступают друг с другом в противоречие: обе они в качестве своего объекта предполагают не единство с реальным этносом (греки Приазовья), но условно-обобщенную принадлежность к воображаемому этносу – «таганрогским эллинам». Тем не менее, эта воображаемая национальная идентичность Щербины воспринимается как необходимое условие для существования и признания его «греческого мифа».

Менее чем через десять лет после Щербины, в Санкт-Петербург приехал учиться Феокист Авраамович Хартахай (1836–1880), грек из Приазовья, успевший уже немного поучиться в Харькове и в Киеве. Неизвестно, были ли Щербина и Хартахай знакомы лично, но, несомненно, их взгляды во многом совпадали. Впрочем, Хартахай, в отличие от Щербины, не поддерживал внешних проявлений национальной и культурной идентичности³, а был сторонником практической просветительской деятельности, чему способствовало и влияние Т. Г. Шевченко, в кружок которого он входил в Петербурге⁴. Хартахай не только впервые описал историю греков в Крыму и их переселение в Приазовье (см., например, Хартахай 2004: 169–175, 206–265), но и основал на свои средства первые мужскую и женскую гимназии в Мариуполе. Очевидно, что «греческая идентичность» не была для Хартахая напрямую связана с Грецией будь то современной или древней, хотя в его архиве и была обнаружена историческая песня про борьбу с турками

³ Об этом, в частности, можно судить из его статьи «О внешнем проявлении патриотизма» (Хартахай 2004: 180–185).

⁴ Впервые, известность Ф. А. Хартахая принесла его речь на похоронах Т. Г. Шевченко, произнесенная по-украински; издана в (Хартахай 2004: 176–179).

на Крите, имеющая очевидные древнегреческие аллюзии⁵:

<i>Педъѣ ту Ираклеос,</i>	Дети Геракла,
<i>дърамете ме спатъѣ,</i>	бегите с мечами,
<i>Вазете махери</i>	Разите кинжалами
<i>ке кало тын фотъѣ!</i>	и хорошим огнем!
<i>Ормисате еннео,</i>	Устремитесь отважно,
<i>элат оли мази,</i>	идите все вместе,
<i>Дъоксате тон эллинон</i>	Прославьте эллинов
<i>то еннос!</i>	племя!

Скорее всего, эту песню Ф. А. Хартахай сочинил не сам, а записал, поскольку очевидным образом проявлял интерес к диалекту приазовских греков и их культуре. Так, в 1859 г. еще до поездки в Петербург он составил первый словарь диалекта приазовских греков «Язык умирающего греческого наречия» и приобрел в приазовском селе Сартана рукописный сборник греческих песен. Среди этих песен неожиданно оказалось «Песня о войне русских с французами»:⁶

<i>Эвулитъисан и гали</i>	Вознамерились французы,
<i>Тон русон эхри мегали</i>	Русских враги великие,
<i>На фанисуны пандос.</i>	Уничтожить вовсе
<i>То ваисилен Русиас.</i>	Царство российское.
5 <i>К' охима ортьодоксиас</i>	И чтобы оплот православия
<i>На эклепсун панделос</i>	Разграбить окончательно,
<i>Эсиналтъисан ме плитъос</i>	Вторглись толпою
<i>Тон галон то пан мегитъос.</i>	Великое множество французов.
<i>Оморфа ке эклекта</i>	Красивые и изысканные
10 <i>Италита ке францези,</i>	Итальянцы и французы,
<i>Саксонес ке оландези,</i>	Саксонцы и голландцы,
<i>Лехи оли сидъирон,</i>	Поляки все в железных доспехах,
<i>Германи ки прусиани,</i>	Германцы и пруссаки,
<i>Архонде ке мегистани,</i>	Правители и властители
15 <i>Трехусин ке киладъон,</i>	Спешат и поют,
<i>Ме миханикес фотъѣс</i>	И с механическим огнем
<i>Ке магификус андъриус</i>	Невероятные мужи,
<i>Канонерус тъавмасиус.</i>	Дивные канониры.
<i>Тонун та опла дъината.</i>	Стреляют громко ружья.

⁵ Текст публикуется впервые по незаконченной и неизданной диссертации Э. Хаджинова (1979) в отредактированном виде. Здесь и далее примеры из (Хаджинов 1979) приводятся в кириллической орфографии, разработанной для приазовских греков А. А. Белецким. Основные особенности этой орфографии: $\varepsilon = /y/$, $\zeta\kappa = /g/$, $\delta\beta = /d/$, а $\tau\theta = /t/$.

⁶ «Трагодъон пери полемо тон русон ме тон французон». В отредактированном виде цитируется по Хаджинов 1979. Публикуется впервые.

- 20 *Тъймоменос осан леон
Автократор Наполеон
Трехи омброс ме то спатъи,
Лей я на фтъири тын русын,
Монос? тус одъиги, перны*
- 25 *Хорис ке хория просхори.
Ме тын русъан и тын Мосха
Ке тъавту катастрефаты
Кластас? ортъодъоксон
Аметъиас ме пола*
- склира. трудностями
- 30 *Гали инэ афрон,
Итали инэ парафрон.
О тъеос гор? ме? тъимон.
О какофрон магитъиа?
Полес мате? ме тын виан*
- 35 *Ме ти гонон? тон эхтърон.
Ке о роси тус плигонун
Ке то галус тъанатонун
Осан апистус мъяру?.
Тоте Кутузов китази,*
- 40 *Тъймоменос, ке простази:
«Вал та опла дъината!
Руси-му андърюмени,
Ис тон козмон ксакозмени
На ктипате фовера.*
- 45 *Оли руси на вретъите
Ст-армата-сас на*
- статъите становитесь
- Ме андърюион ке толмин.
Дъя на дъёмен? Тиранус
Галус тун иперифанус*
- 50 *Тыс патридъос тус*
- эхтърус». врагов».
- Тоте руси ме тын виан
Ксиматысин асплахниан,
Катаковун тус эхтърус.
Ати мингиар плисьязи,*
- 55 *Ке пристасте? ке простази
На ктыпусин толмира.
Ола тос ки дъёризи,
Та органа писо иризи
На пъясун тус эхтърус.*
- 60 *О эхтърос инэ ксинмесин,
Ис эхерья-сас тъя песин
Ме тын дъинами на тъен?.*
- Разъяренный словно лев
Император Наполеон
Скачет впереди с саблей,
Кричит, чтобы погубить русских,
Сам их ведет, наступает,
Сам по себе идет вперед.
С русскими и Москвой
И сам себя губит,
Окруженный? православными,
От пьянства с многими
- Французы легкомысленны,
Итальянцы безрассудны.
Бог ??? в гневе.
Неразумный околдовал?
Многих напрасно? Силой
С ??? врагов.
И русские наносят им раны
И французов убивают
Как гнусных? неверных.
Тогда Кутузов смотрит
Приходит в гнев и приказывает,
«Стреляйте-ка погромче,
Русские мои храбрец,
Во всем мире прославленные,
Бейте (их) безжалостно.
Все русские приходите,
Под ружье
- Мужественно и дерзновенно,
Чтобы нам изгнать? тиранов,
Французов высокомерных,
Отечества нашего
- Тогда русские с силой
Научились жестокости,
Перебили врагов.
Они, лишь (враг) приближается,
И ???, и отдает приказ (к атаке),
Отважно наносят удар.
Он весь и останавливается,
Орудия поворачивает вспять,
(А русские) хватают врагов.
- Враг окружен,
В руки ваши сдастся
С силой ???.

<p>Эсклавомени гали плитъос,
Скотомени ке францези
65 Ис та херья тон русон.
Клеун, фигун ки търинитес,
Пина эхун ке липундес
Ис эхерья казакон.
Эъи дъен порун на фигун
70 Ис та фидъья
на фагун
И паромья? зун тус лагус.
Та стратегмата-тус ханун
Ки тус стратигус ксеханун.
А Наполеон липус,
75 Гали непониромени,
Тын Русиян склавомены
Ис та херья тон русон.
Экупалин? ки ус орте
Тъа ксесклавотъите
80 Ме тын дъинами тъеу.
Опу воитъи тус русус
Тус пистус ке ортъодъоксос
Опу проскинул автон
Ке то менон? руфотато?
85 Александрон-автократор
Ке олон тон христианон.</p> | <p>Пленных французов много
И убитые французы
(Попадают) в руки русских.
Плачут, бегут, рыдают,
Голодают, словно лисицы,
(Попадают) в руки казаков.
Тех, кто не в силах убежать,
Змеям (бросают),
чтобы те съели,
Или подобно зайцам живут.
Войска их погибают,
И генералов теряют.
А Наполеон – лис,
(Но) французов обхитрили,
На Россию (напав,) пленены
Руками русских.
Вновь? и ???
Вы освободитесь
С помощью Бога,
Который помогает русским –
Верующим и православным,
Которые поклоняются ему
И ??? светлейшему?
Александр, Императору
Всех христиан.</p> |
|---|--|

О происхождении этой песни трудно судить. Скорее всего, она все-таки была написана не на диалекте приазовских греков. Хотя ее сюжет никак не связан с греческим миром, она вполне греческая и построена по модели исторической песни, ср. с песней о падении Константинополя, записанной Э. Хаджиновым (1979) в Приазовье⁷:

<p>Бре, вани харазь
Ена, ох, енатули,
Вани на ксемиреви.
Бре, тинистъ армадъа,
эркиты,
5 Т армадъа катевини.
Бре, сирнул та топя
сан вруши,
Моливья сан халаци.
Бре, пиран
тынь Поль,</p> | <p>Вот, занимается заря.
Ох, на востоке
Наступает рассвет.
Вот, двинулась армада,
идет,
Армада приближается.
Вот, падают ядра,
как дождь,
Пули как град.
Вот, захватили
Константинополь,</p> |
|---|--|

⁷ Текст публикуется впервые.

	<i>Пиран тынь корь,</i>	Схватили дочь,
10	<i>Пиран тынь никутирь,</i>	Схватили хозяйку,
	<i>Вастун тун ки паенун.</i>	Держат ее и уходят.

Песня о падении Константинополя, очевидно, была привезена в Приазовье еще из Крыма, где связи с греческим миром ощущались намного теснее и куда регулярно попадали различные традиционные греческие песни, как, например, акритские песни (Kisilier 2011: 46–47), песня про мост Арты (Кір'яков 1994: 11–13) или «Баллада о мертвом брате» (Ashla 1999: 42–43), позже популярные и в Приазовье⁸. Тем не менее, для жителей Приазовья они уже не символизировали связь с исторической родиной, в качестве которой приазовские греки ощущали и ощущают не Грецию или древнюю Элладу, а татарский Крым. По-видимому, и для Ф. А. Хартахая основная ценность собираемого им фольклора была заключена не в сюжете песен или в мифологических / национальных чертах, присутствующих в тексте, а в первую очередь в том, что эти песни существуют на греческом, то есть именно язык стал ощущаться как основная составляющая «греческого мифа» и принадлежности к нему.

Подобное отношение к греческой традиции можно наблюдать и у первых национальных поэтов греческого Приазовья рубежа XIX–XX вв. Демьян Бгадица (1850–1906) еще пробовал ввести традиционные греческие мотивы, переложив на местный диалект знаменитую критскую драму XVI–XVII вв. «Жертвоприношение Авраама» (Кір'яков 1994: 68–75), позже разошедшуюся по приазовским селам в виде песен (ср. Karpozilos 1994). Однако основной темой поэтического творчества оказались жалобные песни, построенные по русской модели. Например, тот же Демьян Бгадица писал стихи о несчастной судьбе и бедности другого поэта Леонтия Хонагбея (1853–1918), который не только сам исполнял эти песни, но и дописывал новые в том же ключе. При этом мотив несчастной судьбы и бедности часто оказывается топосом, несколько не отражающим реальное положение дел. Взяв за основу русскую традицию, первые национальные приазовские поэты активно используют рифму, редко встречающуюся в фольклоре, привезенном из Крыма. Примером такой «новой» поэзии может служить стихотворение

⁸ Э. Хаджинов (1979) смог их записать еще в 1970-е гг.

поэтессы Фросы Журнаджи (род. в к. XIX в.), написанное в 1916 г.⁹:

Τα δέντρα ντα εν χλιωρα Υζεβνι κι παενι. Αν κολς τ'ενα το δέντρο Τα φιλα-τ μαρεννι.	Деревья, когда зелены, Растут и толстеют. Если срежешь одно дерево, Его листья вянут.
5 Τίνα εν καλα συ ντυνια Ταιφα-τ εν συριμενυ. Γραφι ιτυν ας τυ φτιαλ-μ Σσιρα να πιμενυ.	Тому хорошо в мире, Чья семья вместе. Судьба была на мою голову Вдовой остаться.

В рамках настоящей статьи нет возможности провести анализ метрики приазовских греческих поэтических текстов конца XIX – начала XX вв., однако с большой долей уверенности можно предположить, что метрически эти тексты полностью укладываются в русскую традицию.

В Советские годы в Приазовье на первый взгляд наметилась принципиально иная тенденция. После 1924 г. появились иммигранты из Греции и Турции, имевшие хорошее греческое образование: например, мариупольский педагог И. Левкопулос и главный редактор греческого детского журнала «Пионер» Ф. Самархидис (Baranova 2017: 103–104). Естественно, они не владели местным диалектом и способствовали развитию языка, ориентированного на димотику. Например, в следующем двустишии Алекоса Риониса, датированном 1933 г., нет ни одной диалектной черты, и на его принадлежность Приазовью указывают лишь орфографические особенности (цит. по Φωτιάδης 1990: 78):

Ορμάτε μπρος! Σαν τι φωτιά, Για να φλογίστε κάθε βλέμα	Устремляйтесь вперед! Как пламя, Чтобы зажечь каждый взгляд
---	--

Впрочем, приазовские греки неоднозначно относились к распространению димотики. В этом плане показателен отрывок из Протокола № 2 заседания родительского собрания 2-ой Большеянисольской трудшколы им. Н. К. Крупской от 5 марта 1929 г.¹⁰: «<...> литературный эллинский язык <...> является

⁹ Опубликовано в Костан 1932; другой вариант стихотворения представлен в Кір'яков 1994: 79–80. Стихотворение публикуется в орфографии, использовавшейся приазовскими греками после революции 1917 г. до 1938 г. К важнейшим особенностям данной орфографии можно отнести отсутствие η, ω и диграфов, υ = /u/, ζς = /s/.

¹⁰ ГАДО, ф. Р-2, оп. 1, д. 100, лл. 44–46, цит. по Baranova 2017: 106.

совершенно чуждым и непонятным для родителей и всего населения <...> упразднить совсем эллинский язык и вести занятия на русском и украинском языке».

Поэтому более перспективной оказалась линия, предложенная лучшим советским греческим поэтом Приазовья Георгием Костоправом, который последовал примеру Бгадицы, Хонагбея и Зурнаджи и стал создавать новую литературу приазовских греков по модели русской метрополии. Для этого он организовал массовые переводы русской классики на диалект. Показательно, что издание А. С. Пушкина на диалекте приазовских греков (Πύσκιv 1937) стало первым переводом Пушкина на национальные языки СССР. Скорее всего, Костоправ осознавал, что развивает идеи первых приазовских поэтов. Недаром его лучшая поэма посвящена истории поэта Леонтия Хонагбея. При этом, что характерно, она написана под сильнейшим влиянием «Анны Снегиной» С. Есенина.

Литературная деятельность Костоправа и его сподвижников и последователей способствовала развитию языковой идентичности, не связанной с самой Грецией. Вероятно, отсюда возникла идея большей древности диалекта по отношению к более престижному новогреческому языку¹¹ и местных традиций, а соответственно – и своего права на греческое культурное наследие. Это свое греческое культурное наследие может не иметь никаких внешних греческих атрибутов¹², появиться сравнительно недавно, однако благодаря своей связи с местным диалектом и единогласному признанию со стороны местного сообщества превратиться в важнейший маркер национальной идентичности, своего рода «греческий миф». Примером такого маркера-мифа может служить песня «Мама, моя голова болит», существующая во множестве вариантов¹³:

¹¹ Ср. высказывания местных жителей: «...это новый язык, новогреческий, а наш старый язык, старогреческий...» (Баранова, Викторова 2009: 103).

¹² Например, у приазовских греков нет ни малейшего сомнения в том, что чебуреки – это греческое национальное блюдо (ср. Новик 2009: 68).

¹³ Из диалектного архива Греческого института СПбГУ. Текст публикуется впервые. Записала Д. В. Агафонова у М. Г. Поповой (1920 г. р., Малоянисоль) в с. Малоянисоль в 2002 г.; варианты песни: (Кір'яков 1994: 32; записан в 1968 г. в с. Малоянисоль; Агафонова 2004: 55–57).

	<i>mána tu íffálu=m puní</i>	Мама, моя голова болит
	<i>úlu ki karðíja=m</i>	И все мое сердце.
	<i>mer as méra pónu=m artév</i>	День изо дня моя боль растет,
	<i>artév ki íf íks'ílév.</i>	Растет и не слабеет.
5	<i>éna vraðí su mso t níxta</i>	Одним вечером посреди ночи
	<i>in'íxtin bóрта=mас</i>	Открылась наша дверь,
	<i>yo thársa en mána=m doxmíf.</i>	Я увидел – это мать моя родная.
	<i>to itun t áðžel'i=m.</i>	Это была смерть моя.
	<i>áðžel'i=m áðžel'i=m.</i>	Смерть моя, смерть моя
10	<i>inglenípsi kaná sat xadár</i>	Подожди какое-то время,
	<i>as érkít doxmíf mána=m</i>	Пусть придет мать моя родная,
	<i>s tin dranú</i>	Пусть я ее увижу
	<i>ki ster as pers t'in^pfi=m.</i>	А после заберешь мою душу.
	<i>pásun uranú ta s'ínifa</i>	На небе облака
15	<i>bugún'a bugún'a buléfkni</i>	Постепенно разделяются,
	<i>at na buléfkni</i>	Так разделится
	<i>tu kó=m karðía=m</i>	Мое сердце.

Примечательно, что и у Щербины, в поэтическом мире которого народная культура приазовских греков не находит отражения, есть один текст, составляющий исключение из данного правила. Это стихотворение «Земля». В нем, пусть и не вполне очевидно, соединяются мотивы страдания, матери и смерти, характерные для процитированной выше народной песни.

Ты помнишь ли случай, родная?
 Когда я малюткой была,
 В саду, меж цветами летая,
 Меня укусила пчела.
 <...>
 Пора наступила иная,
 И боль загорелась вновь...
 Боюсь я признаться, родная,
 Что жалит мне сердце любовь!

Но тем же и этой порою
 Ты можешь меня исцелить:
 Могильной холодной землею
 Навеки мне сердце покрыть!

Через общность ключевых мотивов за литературностью сквозит иное, национально-фольклорное начало. И этот пример вновь напоминает нам о другом, неязыковом полюсе «греческого мифа», который, вбирая в себя всевозможные влияния, трансформируясь под властью актуального настоящего, тем не

менее, хранит, пусть и полуосознанно, резонансные отголоски своей многовековой культурной памяти, вызывая потребность национальной идентификации.

Литература

- Agafonova, D. V. 2004: *Sovremennoe sostoyanie pesennoj tradicii grekov Priazov'ya*. Diploma thesis. Saint Petersburg University, Department of Byzantine and Modern Greek Studies. Saint Petersburg.
Агафонова, Д. В. 2004: *Современное состояние песенной традиции греков Приазовья*. Дипломная работа. СПбГУ, Отделение новогреческой филологии. СПб.
- Ajhenvald, Yu. 1908: *Siluety russkih pisatelej* [*Silhouettes of Russian writers*]. Vol. II. Moscow: Izdanie "nauchnogo slova".
Айхенвальд, Ю. 1908: *Силуэты русских писателей*. Вып. II. М.: Издание «научного слова».
- Ashla, A. 1999: *Ta Marioupolitika. Tragoudia, paramythia kai horoi ton Ellinon tis Azofikis* [*Mariupolitic. Songs, fairytales and dances of Azov Greeks*]. Athens-Ioannina: Dodoni publications.
Ashla, A. 1999: *Та Мариуполітика. Траγούδια, παραμύθια και χοροί των Ελλήνων της Αζοφικής*. Αθήνα-Γιάννινα: Έκδόσεις «Δωδώνη».
- Baranova, V. 2017: Local language planners in the context of early Soviet language policy: the case of Mariupol Greeks. *Revue des études slaves* 88. 1–2, 97–112.
- Baranova V. V., Viktorova K. V. 2009: [Rumeika in Azov region: a sociolinguistic sketch] (Ch. 4). In: Kisilier, M. L. (ed.). *Lingvisticheskaya i etnokul'turnaya situatsiia v grecheskih selah Priazov'ya. Po materialam ekspeditsii 2001–2004 godov* [*Language and ethnocultural situation in Greek villages of Azov region. Data from the expeditions of 2001–2004*]. Saint Petersburg: Aleteia, 97–112. (= Kisilier, M. L. (ed.). *Iazyk i kul'tura mariupol'skikh grekov* [*Language and Culture of Mariupolis Greeks*] Vol. 1).
Баранова, В. В., Викторова, К. В. 2009: Румейский язык в Приазовье. Социолингвистический очерк (Гл. 4). В кн.: Кисилиер, М. Л. (ред.). *Лингвистическая и этнокультурная ситуация в греческих селах Приазовья. По материалам экспедиций 2001–2004 годов*. СПб.: Алетея, 97–112. (= Кисилиер, М. Л. (ред.). *Язык и культура мариупольских греков*. Т. 1).
- Costan, C. 1932: *Z literaturi mariupol's'kikh grekiv* [*On the literature of Mariupol Greeks*]. Kharkiv: Rukh.
Костан, К. 1932: *З літератури мариупольських греків*. Харків: Рух.
- Danilevskij, G. P. 1891: [From literary Memoirs. N. F. Shcherbina (His letters and unpublished poems)]. *Istoricheskii vestnik* XLIII (January).
Данилевский, Г. П. 1891: Из литературных воспоминаний. Н. Ф. Щербина. (Его письма и неизданные стихотворения). *Исторический вестник* XLIII (Январь).

- Druzhinin, A. V. 1865: ["Greek poems" by N. Shcherbina. Odessa. 1850]. In: Druzhinin, A. V. *Sobranie sochinenii* [Complete works]. Vol. VII. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences, 7–30.
- Дружинин, А. В. 1865: «Греческие стихотворения» Н. Щербини. Одесса. 1850. В кн.: Дружинин, А. В. *Собрание сочинений*. Т. VII. СПб.: Типография императорской академии наук, 7–30.
- Freidenberg, O. M. 1998: *Mif i literatura drevnosti* [Myth and literature of antiquity]. 2nd ed. Moscow: Vostochnaya literatura, Russian Academy of Sciences.
- Фрейденберг, О. М. 1998: *Миф и литература древности*. 2 изд. М.: Восточная литература РАН.
- Golosovker, Y. E. 1987: *Logika mifa* [Logics of the myth]. Moscow: Nauka.
- Голосовкер, Я. Э. 1987: *Логика мифа*. М.: Наука.
- Hadzinov, E. 1979: *Pesennyi folklor rumeev Donbassa (opyt monograficheskogo issledovania i teksty)* [Folk songs of Donbass rumejs (attempt of monographic study and texts)]. Mariupol. Manuscript.
- Хаджинов, Э. 1979: *Песенный фольклор румеев Донбасса (опыт монографического исследования и тексты)*. Мариуполь. На правах рукописи.
- Hartahai, Th. A. 2004: *Sobranie sochinenii* [Complete works]. Donetsk: Yugo-Vostok.
- Хартахай, Ф. А. 2004: *Собрание сочинений*. Донецк: Юго-Восток.
- Hübner, K. 1996: *Istina mifa* [The truth of the myth]. Moscow: Republik.
- Хюбнер, К. 1996: *Истина мифа*. М.: Республика.
- Junge, E. F. 1914: *Vospominania (1843–1863)* [Memoirs (1843–1863)]. Moscow: Sphynx.
- Юнге, Э. Ф. 1914: *Воспоминания (1843–1863)*. М.: Сфинкс.
- Karpozilos, A. 1994: The Cretan drama of The Sacrifice of Abraham in the dialect of the Mariupol Greeks. *Byzantine and Modern Greek Studies* 18, 155–186.
- Kirjakov, L. N. (ed.) 1994: *Kozmuku Pigad. Tragojda, puja pratur anamesa as rumejs ki urums as tu Priazovja* [Folk Spring. Songs that exist among Rumejs and Urums in Azov region]. Donetsk: "Donbas".
- Кір'яков, Л. Н. (ред.) 1994: *Козмуку Пигадь. Трагойдъа, пуя пратур анамеса ас румейс ки урумс ас ту Приазовья*. Донецк: «Донбас».
- Kisilier, M. 2011: [Some common features in folk poetic traditions of Azov Greeks and of Cretan Greeks]. In: Kapsomenos E. G. (ed.). *Proceedings of the 10th International Congress of Cretan Studies (Chania, 1–8 October 2006)*. Vol. 4. Modern Greek period (Cretan dialect – Toponyms – Folk tradition – Travellers and foreign writers about Crete). Hania: Philological society "Chrysostomos", 43–51.
- Kisilier, M. 2011: Μερικά κοινά στοιχεία στη λαϊκή ποιητική παράδοση των Ελλήνων της Αζοφικής και της Κρήτης. Στο: Κατωμένος, Ε. Γ. (επιμ.). *Πεπραγμένα Ι' Διεθνούς Κρητολογικού Συνεδρίου (Χανιά, 1–8 Οκτωβρίου 2006)*. Τ. Γ' (4). Νεοελληνική

- περίοδος (Κρητική διάλεκτος – Τοπωνυμία – Λαϊκή παράδοση – Περιηγητές και ξένοι συγγραφείς για την Κρήτη). Χανιά: Φιλολογικός σύλλογος «Ο Χρυσόστομος», 43–51.
- Losev, A. F. 2001: *Dialektika mifa* [*Dialectics of the myth*]. Moscow: Myisl (Filosofskoe nasledie [Philosophic heritage]).
Лосев, А. Ф. 2001: *Дialeктика мифа*. М.: Мысль. (Философское наследие).
- Mikhailovskii, N. K. 1957: [From literary and magazine notes of заметок 1874]. In: Mikhailovskii, N. K. *Literaturno-kriticheskie stat'i* [Papers on literary criticism]. Moscow: Goslitizdat, 45–58.
Михайловский, Н. К. 1957: Из литературных и журнальных заметок 1874 года. В кн.: Михайловский, Н. К. *Литературно-критические статьи*. М.: Гослитиздат, 45–58.
- Novik, A. A. 2009: [Traditional culture of Mariupolitan Greeks] (Ch. 2). In: Kisilier, M. L. (ed.). *Lingvisticheskaya i etnokul'turnaya situatsiia v grecheskih selah Priazov'ya. Po materialam ekspeditsii 2001–2004 godov* [Language and ethno-cultural situation in Greek villages of Azov region. Data from the expeditions of 2001–2004]. Saint Petersburg: Aleteia, 65–78. (= Kisilier, M. L. (ed.). *Iazyk i kul'tura mariupol'skikh grekov* [Language and Culture of Mariupolis Greeks] Vol. 1).
Новик, А. А. 2009: Традиционная культура мариупольских греков (Гл. 2). В кн.: Кисилиер, М. Л. (ред.). *Лингвистическая и этнокультурная ситуация в греческих селах Приазовья. По материалам экспедиций 2001–2004 годов*. СПб.: Алетейя, 65–78. (=Кисилиер, М. Л. (ред.). *Язык и культура мариупольских греков*. Т. 1).
- Photiadis, K. 1990: *O Ellinismos tis Krimaias. Marioupoli, dikaioma sti mnimi* [*Hellenism in the Crimea. Mariupol, right to remember*]. Thessaloniki: Irodotos.
Φωτιάδης, Κ. 1990: *Ο Ελληνισμός της Κριμαίας. Μαριούπολη, δικαίωμα στη μνήμη*. Θεσσαλονίκη: Ηρόδοτος.
- Pushkin, A. S. 1937: *Silogi ergon* [*Selected works*]. Greek publishers of Donbass.
Πύσκιν, Α. Σ. 1937: *Σιλογί έργων*. Μαρύπολι: Ελληνικό εκδοτικό τυ Δονμπάς.
- Savchenko, T. V. 1990: [Shcherbina]. In: Nikolaev, P. A. (ed.). *Russkie pisateli. Bibliograficheskii slovar* [*Russian writers. Bibliographic dictionary*]. Vol. 2. Moscow: Prosveshcheniye, 427–430.
Савченко, Т. В. 1990: Щербина. В кн.: Николаев, П. А. (ред.). *Русские писатели. Библиографический словарь*. Т. 2. М.: Просвещение, 427–430.
- Shcherbina, N. F. 1850: *Grecheskie stihotvorenia* [*Greek poems*]. Odessa: Typography L. Nitche.
Щербина, Н. Ф. 1850: *Греческие стихотворения*. Одесса: Типография Л. Нитче.
- Stackenschneider, E. A. 1934: *Dnevnik i zapiski (1854–1886)* [*Diary and notes (1854–1886)*]. Moscow-Leningrad: Academia.
Штакеншнейдер, Е. А. 1934: *Дневник и записки (1854–1886)*. М.-Л.: Академия.

I. E. Vasileva, M. L. Kisilier. «Greek myth» of Azov Greeks

Culture of the modern era creates new mythology which is highly dependent on the current reality. A very important part of this mythology is a “Greek myth”. Pretty often Greek identity is connected with Greece, its heroic and mythological past, national costume and some other superficial attributes. Actually, these attributes helped Nikolay Shcherbina, a poet from Taganrog, to become popular in Saint Petersburg in mid-19th century. However his contemporary from Mariupol Theoktist Hartahai who also spent several years in Saint Petersburg and was close to Taras Shevchenko preferred to support the idea of cultural and linguistic identity. For him it was more important to investigate the “nearest Crimean” history of Azov history than to try to connect them with far away Greece. As he collected Greek folk songs in Azov villages, he did not pay much attention to the subject and followed only linguistic criterion, i. e. the song should in some variety of Greek and could describe events even from the Russian history. Several decades later, first original Azov Greek poets (Demian Bgaditsa, Leonty Honagbey, etc.) consciously or unconsciously followed the ideas of Hartahai and adopted some features and patterns of the Russian literature to their own Greek literature. After the October revolution of 1917 it seemed that Azov Greek literature would use Demotic Greek instead of local dialect. However Demotic Greek was not supported by the majority of population who could not understand it. The best local poet of that period Georgy Kostoprav decided to follow the pattern of the first Azov Greek poets. His most popular poem “Leonty Honagbey” can be regarded as his literary manifest. On the one hand, he described the destiny of his literary “ancestor” whose ideas he definitely shared, on the other hand, this poem was deeply influenced by the contemporary Russian literature. Kostoprav and his supporters translated a lot of Russian classics into Azov Greek so that could have multiple model texts to refer to. These activities supported the development of national identity that could exist either without Greece or its heroic past. It seems that new Greek identity was based on (a) linguistic abilities and (b) local heritage that is generally acknowledged by the local community as a model Greek one while no connections with Greece are even looked for.

Keywords: identity, Azov Greeks, folklore of Azov Greeks, Greek literature in dialects, Azov Greek literature, Nikolay Shcherbina, Theoktist Hartahai, Demian Bgaditsa, Leonty Honagbey, Georgi Kostoprav, Soviet Azov Greek literature.